

- (5) 198 (?) кож (?) телят (?) 26
 (6) тканей шерстяных, 172 кожи (!)
 баранов
 (7) 18 кож коз.

Таким образом, наша таблетка представляет собой учетный документ, посвященный поставке продуктов скотоводства и ремесла — кож и шерстяных тканей.

Эти продукты поставляются, по-видимому, городом-крепостью Тейшебаини (Кармир-блур) городу бога 'А, находившемуся в районе Аргиптихинили (Армавира) и входившему в состав страны племени 'Аза(ни). При таком понимании текста, по-видимому, не вызывает удивления отсутствие упоминания Тейшебаини. Ибо именно здесь был составлен и хранился документ об отправке упомянутых в нем объектов в город бога 'А. Более того, это обстоятельство (т. е. отсутствие упоминания Тейшебаини) подтверждает предположение о том, что отправителем являлся именно Тейшебаини.

С другой стороны, до сих пор было известно упоминание страны 'Аза(ни) лишь в источниках VIII века до н. э. Данный документ, если признать правильным предположение о составлении его в Тейшебаини, основанном в VII в. до н. э., расширяет наши представления о хронологических рамках существования этой страны.

Н. В. Арутюнян

ОТНОШЕНИЕ РАБА К ВЫХОДУ НА ВОЛЮ

(по материалам римской комедии)

Раб, как он представляется нам по данным древних авторов, — это человек, лишенный свободы, существо бесправное, не располагавшее ни своей личностью, ни телом. Раб принадлежал другому человеку как собственность и приравнялся к вещам, к орудиям. Получение свободы для раба значило приобретение им права распоряжаться собой, сделаться «человеком», перейти в другой общественный класс и стать или вольноотпущенником, или даже полноправным гражданином. Поэтому слово «свобода» *libertas* должно было быть часто употребляемым у рабов и особенно дорогим для них. В этом отношении анализ материалов римской комедии (произведения Т. Макция Плавта и П. Теренция Афры) дает нам возможность проследить, каково было отношение раба к выходу на волю. Попытка такого исследования небезынтересна и потому, что в буржуазной историографии даже в наиболее прогрессивном ее направлении наблюдается стремление представить жизнь рабов и обращение с ними в общем сносным, а жестокости чуть ли не исключением¹, не говоря уже о тех исследованиях, в которых утверждалось, что «рабского вопроса» вообще никогда не существовало и что никогда не происходило значительных восстаний рабов².

В нашем исследовании необходимо прежде всего остановиться на том, во всех ли комедиях обоих поэтов и в какой мере затрагивается вопрос о свободе для раба. Оказывается, что Плавт и Теренций совершенно различно относились к рабам и рабству вообще.

¹ W. L. Westermann, *Sklaverei*, RE, т. VI, 1935, стр. 894 слл. К сожалению, его новая работа «The slave Systems of Greek and Roman Antiquity», Philadelphia, 1955, все еще оказывается мне недоступной.

² Эд. Мейер, *Экономическое развитие древнего мира*, с приложением статьи «Рабство в древности», М. 1923³.

У Плавта из 20 сохранившихся его комедий вопрос о выходе раба на волю не затрагивается только в трех: «Cistellaria», «Curculio» и «Truculentus». Необходимо подчеркнуть, что в названных комедиях не было условий, то-есть драматической обстановки для поднятия рабом именно этого вопроса. К тому же эти комедии, в особенности «Cistellaria», сохранились в поврежденном состоянии. В остальных пьесах Плавта раб или настойчиво требует предоставления ему свободы за хорошую службу, или сам собирает сбережения на выкуп, или в какой-либо иной форме выражает свое отношение к выходу на волю. К достижению этой заветной мечты всех рабов направлены все помыслы раба у Плавта. Только единицы из них, отчаявшиеся и разуверившиеся в возможности достижения свободы, не думают и не говорят о ней.

Наоборот, у Теренция из шести его пьес вопрос о выходе раба на волю затрагивается только в «Adelphoe», где раб Сир получает неожиданно для себя (и для читателей также) освобождение по инициативе хозяйского брата, и в «Andria», где фигурирует вольноотпущенник Сосия и где его бывший господин в беседе с ним затрагивает вопрос о его освобождении, как о давнишнем событии. Таким образом, ни один раб из персонажей комедий Теренция не только не добивается и не просит, но даже и не помышляет об освобождении его из рабства. Это первое, что отличает трактовку рабства Плавтом и Теренцием, а в известной мере и социальных условий и явлений общественной жизни вообще.

В комедиях обоих поэтов выступает свыше 100 персонажей рабов и рабынь. Их роли в действиях комедий различны по важности и значению. Естественно, что только рабы с большой ролью и активно участвовавшие в действии, имели возможность вывить свое отношение к выходу на волю. Рабы с эпизодической ролью, а тем более выступающие без слов и статисты, естественно, такой возможности не имели, почему они и не могут быть объектом данного анализа. В отдельных пьесах рабы с ведущей ролью («Mostellaria» — раб Транцион, «Persa» — раб Токсил) или с весьма важной («Cistellaria» — раб Лампадион) не выявляют своего отношения к освобождению или вследствие своеобразного развития действия пьесы («Mostellaria» и др.), или вследствие стесненности сохранности ее текста (отсутствие около 600 стихов в «Cistellaria» и т. д.). Разнообразна и степень проявленной рабом настойчивости и форма, в которой он требует свободы. Наряду с прямыми высказываниями раба, иногда отношение раба к свободе приходится выявлять на основании косвенных данных, намеков или даже только на основании поведения раба.

Остановимся сначала на комедиях Плавта. В «Amphitruo» раб Сосия, будучи отогнан от хозяйского дома своим двойником Меркурием и не признан за Сосию, возвращаясь в порт к своему господину Амфитриону, высказывает пожелание, чтобы и Амфитрион не признал его. Тогда, мол, он мог бы оказаться свободным. Здесь характерно то, что доморощенный раб Сосия, *verna*, проявляет желание быть свободным. В «Asinaria», хотя оба раба, Либан и Леонид, оказали хозяйскому сыну Аргириппу, с согласия и при содействии господина Демонета, большую услугу, все же во всей пьесе ни один из них не выдвигает прямо и серьезно вопроса о награде за эту услугу и не заикается об отпуске на свободу. Однако нельзя считать, что эти рабы с исполосованными спинами, столь часто битые и наказуемые пытками и каторжными работами, были безразличны к свободе. Косвенно это подтверждается следующим. Узнав о прибытии в дом их господина посланца-купца с 20 минами и желая перехватить эти деньги для сына хозяина — Аргириппа, Леонид спешит повидаться поскорее с Либаном, чтобы договориться о плане действия. Не находя Либана, Леонид в отчаянии произносит: *Aetatem velim servire, Libanum ut conveniam modo* (ст. 274), то-есть он готов претерпеть самое худшее несчастье — весь свой век до конца жизни быть рабом, лишь бы сейчас ему встретиться с Либаном. Вот подлинное отношение раба к рабству: худшей бедой, самым тяжким несчастьем для раба считается участь быть рабом без надежды на освобождение. Однако в этой пьесе вопрос об отпуске этих рабов на свободу не получает разрешения, и в четвертом и пятом актах они не участвуют в действии.

Точно так же и из рассмотрения комедии «Casina» явствует, что самым ценным и дорогим для раба является получение им свободы. Раб Халин, подслушавший

разговор о гнусной сделке между его господином Лисидамом и виликом Олимпионом относительно рабыни Касины, готов пренебречь самым ценным для раба — получением свободы, лишь бы вывести на чистую воду своих гнусных соперников, рассказав все это госпоже¹. Равным образом и в «*Pseudolus*» раб Псевдол, помогающий господскому сыну Калидору в его любовных делах из привязанности к нему и вследствие своего увлечения хитростями и обманами, когда Калидор позвал его осыпать ругательствами сводника, то Псевдол восклицает, что даже к претору за свободой он не побежал бы так быстро, как за тем, чтобы ругать сводника: *Numquam ad praetorem aequae cursim curram ut emittar manu* (ст. 358). Следовательно, как из высказываний рабов Леонида в «*Asinaria*» и Халина в «*Casina*», так и из данного места можно заключить, что самым дорогим для раба является свобода: Псевдол бежал бы к претору для оформления отпуска на волю.

В «*Aulularia*» Стробил Второй, раб Ликонида², также проявляет большое желание добиться свободы. Овладев кладом скряги Эвклиона, Стробил доверчиво сообщает об этом своему господину Ликониду и просит об освобождении: *Nunc volo me emitti manu* (ст. 823), предлагая выкуп, очевидно, за счет этого клада. Но Ликонид, уже осведомленный Эвклионом о хищении у него клада, с возмущением отвергает просьбу Стробила об освобождении, а клад велит принести для возвращения собственнику. Получил ли Стробил свободу при благополучной для всех развязке пьесы, установить нельзя, так как конец пьесы не сохранился. Несомненно, тяготятся своим рабским положением и стремятся к свободе нанятые на рынке повара Антрак и Конгрион³. В этом отношении характерно замечание повара Антрака. Предполагая, что у скряги Эвклиона имеется, наверное, много денег, Антрак решает, не попросить ли у него талант для выкупа на свободу:

Censen talentum magnum exorari pote

Ab istoc sene, ut det qui fiamus liberi (ст. 309—310).

В «*Bacchides*» раб Хрисал, несмотря на особенно дружеские взаимоотношения с сыном господина — Мнесилохом и на ценные услуги, которые он оказал последнему ни разу не поставил перед хозяином вопроса о благодарности или об отпуске его на свободу. Однако Хрисал высоко ценит свободу, тяготеет к рабству и не прочь получить манумиссию. Об этом свидетельствуют его слова, когда он доказывал господину свою верность, за которую, мол, господин наградит его свободой: *tum libertatem Chrysalo largibere* (ст. 828). Не поднимал же Хрисал вопроса об отпуске на свободу,

¹ *Tribus non conduci possum libertatibus,*

Quin ego illis hodie comparem magnum malum

Quinque hanc omnem rem meae ergae iam faciam palam (ст. 504—506).

«Тремя не соблазнишь меня свободами,

А уж беду устрою им огромную,

Затею всю раскрою госпоже моей»

(Перевод А. В. Артюшкова).

² Вопрос о числе рабов и их именах в комедии «*Aulularia*» является в науке спорным. Этому вопросу посвящена специальная работа автора «О числе, ролях и именах рабов в комедии Т. Макция Плавта „*Aulularia*”», рукопись, Львов, 1954.

³ Многие критики, начиная с С. М. Франскен (см. сводку статей, посвященных этому вопросу у Aug. Krieger, *De Aululariae Plautinae exemplari Graeco*, Diss. Gissae., 1914, стр. 5, 24), со ссылкой на Афинея, XIV, 658 сл., утверждают, что повара Антрак и Конгрион не являются рабами, что они свободные. Но это противоречит прямому указанию текста. Другие соображения, высказанные мною в остающейся в рукописи работе «Исследования античного рабства по римской комедии *fabula palliata* (к вопросу о типах рабов)», Львов, 1947—1948, убеждают меня в том, что здесь мы имеем дело с рабами, работающими в пользу хозяина на стороне за плату в качестве поваров (ср. греч. δούλοι μεσοφοροῦντες — «приносящие заработок рабы»).

по-видимому, потому, что считал Мнесилоха находящимся еще в полной власти отца и неправомерным в совершении отпуска на свободу. Ставить же этот вопрос перед враждебно к нему относящимся господином Никобулом было для Хрисала, очевидно, бесполезно.

В «*Captivi*» в первую очередь необходимо остановиться на высказываниях одного из *logarius* (эпизодический персонаж). В реплике хозяину Гегиюну этот *logarius* говорит, что все люди предпочитают быть свободными, а не рабами: *omnes profecto liberi libentius sumus quam servimus*. Но поскольку у него нет денег на выкуп, то он не прочь убежать; он готов уподобиться дикой птичке, которая при первой возможности, *occasio fugiundi*, улетит и ее больше не поймаешь (ст. 116—123). Охраняя приобретенных Гегиюном пленных, *logarius* выражает этим новым рабам сочувствие в постигшем их горе и намекает им, что и они, если представится возможность, должны бежать на родину (ст. 195—209). Характерно, что это говорит один из тех рабов, на обязанности которых было наказывать кого прикажут, которых заставляли быть палачами и истязателями своих же *conservorum* «соневольников». И напутственные наставления раба Тиндара господскому сыну Филократу (нарек, что за услугу последует бесплатный отпуск Тиндара на волю — ст. 406—409 слл. этой же пьесы), безусловно, свидетельствуют, что, как ни хорошо жилось Тиндару у молодого господина, он все же тяготился своим рабским положением и тайл надежду когда-нибудь достигнуть свободы. Получил Тиндар свободу совершенно неожиданно, так как он оказался похищенным в детстве сыном самого хозяина Гегиюна. В «*Captivi*» же приведен и случай бегства раба от хозяина (раб Сталагм).

Обрисованный далеко не симпатичным виллик Олимпион в пьесе «*Casina*», добивающийся любви девушки Касины, также стремится к свободе. Он потому пошел на гнусную сделку с хозяином: добиться для них обеих любви Касины, что надеялся получить за эту услугу обещанный ему господином отпуск на свободу (ст. 474, 734—740 и др.).

В комедии «*Epidicus*» на протяжении всей пьесы раб Эпидик ни разу не затрагивает вопроса о свободе. Однако в последней сцене, когда в лице купленной пленницы он опознал добрачную дочь хозяина, этот ловкий и хитрый раб, на протяжении дня несколько раз обманувший и перехитривший своего хозяина, решает воспользоваться этим обстоятельством и сразу ставит вопрос и о свободе, и о лучшей одежде, и об обеспечении пищей. Пьеса заканчивается заявлением всей труппы: *Hic is homost qui libertatem malitia invenit sua* (ст. 730); Эпидик добился свободы коварством и лукавством.

В «*Menaechmi*» раб Мессенион все время надеется, что за верную службу хозяин должен скоро отпустить его на свободу (ст. 984—985). Но об этом своем желании он пока не говорит хозяину, не надоедает ему. Поставил же он вопрос о свободе только тогда, когда был уверен, что оказал хозяину большую услугу: спас его от нападения четырех рабов: *ergo edepol, si recte facias, ere, med emittas manu* (стр. 1023). Однако оказалось, что спас он только двойника своего хозяина, его брата, пока неопознанного. Когда при содействии Мессениона братья узнали друг друга, Мессенион опять вернулся к вопросу о свободе и теперь получил ее (ст. 1146—1149).

В «*Mercator*» юный хозяйский сын Харин, жлая угодить своему верному и заботливому рабу Акантиону, по своей инициативе обещает ему через несколько месяцев отпуск на волю: *Liberum caput tibi faciam cis raucos menses* (ст. 152—153). Однако раб Акантион отнесся недоверчиво к этому обещанию, не придав ему значения и даже ответил, что слова Харина усиливают усталость, *lassitudinem addunt* (ст. 157). После этого разговор перешел на другую тему, и вопрос об отпуске Акантиона на свободу в пьесе больше не затрагивается. Могут быть два суждения об отношении Акантиона к свободе: 1) или уже пожилой и больной Акантион, весь век прослуживший у господина Демифона, не заинтересован в отпуске на свободу и хочет прожить остающееся непродолжительное время жизни при хозяине¹; 2) или же разумный и опытный Акан-

¹ Ср. у Бомарше, «Новый Тартюф или преступная мать», ответ престарелого Фигаро: «...я хочу умереть около графа».

тион не придает значения этим обещаниям Харина, который, не являясь *sui iuris* и сам находясь еще в зависимости от крутого отца, не властен давать вольную рабу. Второе предположение кажется более вероятным, исходя из выше приведенной реплики Акантиона (ст. 157): участь раба покажется еще более горькой после несбывшихся надежд на освобождение.

В «*Miles gloriosus*» раб Палестрион заботится о делах своего бывшего господина Плевсикла. Он помогает ему своими хитростями и советами по причине верности и преданности ему, а также и по причине ненависти к своему новому хозяину — хвастливому воину. Но это не значит, что вопрос о получении свободы для Палестриона безразличен. Он тяготеет участью раба, ибо с большой обидой и неоднократно говорит о бесправном положении раба, который часто терпит побои (ст. 183—184), и со злобой отмечает, что рабам для питья отпускается недоброкачественное вино — уксус (ст. 836) и т. п. Из дальнейшего хода действия видно также, что слова Плевсикла о намерении дать Палестриону свободу запечатлелись в его сознании и памяти, и он напомнил (ст. 1362) о них Плевсиклу в подходящее время.

И в «*Mostellaria*» имеется косвенное указание и на то, как относится раб к своему бесправному и подневольному положению, и на то, как высоко он ценит свободу. Когда *advorsitores*¹ Каллидамата, Фаниск и Пинациум (?) после краткого объяснения с Теопротидом собирались уходить, Теопротид, как бы желая продолжить беседу с красивым Фаниском, спросил, уходит ли он уже: *puere, iamne abis?* На это Фаниск образно ответил: *libertas paenulast tergo tuo: mihi, nisi ut erum metuam et curem, nil est qui tergum tegam* (ст. 991—992), то-есть, что свобода есть то, что защищает свободного от побоев. Раб же может предохранить свою спину от побоев только лишь боязнью хозяина и заботой о нем. Это единственное место в пьесе, когда рабом упоминается слово *libertas*, но оно также характеризует далеко не безразличное отношение раба к свободе.

В «*Persa*» главный персонаж, раб Токсил, оставшись на время поездки господина по торговым делам на положении полновластного управляющего, «выкупает» из рабства у сводника свою любовницу, гетеру Лемниселенис. Когда же рабы, после удачного обмана сводника, устроили пирушку и стали издеваться над появившимся сводником, а Лемниселенис попыталась прекратить эти издевательства над ее бывшим господином, якобы не оскорблявшим ее, Токсил резко обрушился на нее: как, мол, она может заступаться за человека, который сделал бы ее уличной женщиной, если бы они не вырвали ее из его власти. Раб Сагаристион, нерадивый, постоянно терпящий побои и наказуемый работами на мельнице (ст. 21—23), по-видимому, даже и не может мечтать о получении им когда-либо свободы. В таком именно духе и выразился по его адресу зубоскал Пегний: *Nam ego me confido liberum fore: tu te nunquam spera.* (ст. 286), «я, мол, надеюсь стать свободным, ты же не надеешься никогда». Когда же Сагаристион, будучи разозлен дерзкими ответами красивого Пегния, намекнул на определенную связь Пегния с хозяином (ст. 204), тот не только не пытался отрицать это, но ответил: *ita sum*, то есть Пегний подтвердил правильность обвинения, добавив при этом, что занимается этим он не без выгоды для себя, а надеется таким путем добиться свободы: *nam ego me confido liberum fore* (ст. 284—286).

В «*Poenulus*» Мильфион, раб Агорастокла, узнав от Синцераста, раба сводника, что обе находящиеся во власти сводника девушки являются свободнорожденными, говорит Синцерасту, что и он надеется получить от своего хозяина свободу *libertatem* при благополучном исходе дела против сводника. Он сможет посодействовать также и освобождению Синцераста, если сводник разорится вследствие судебного процесса. Раб Синцераст жалуется на тяжесть участи рабства у сводника. Он предпочел бы пожизненные каторжные работы на каменоломне или на мельнице, лишь бы не работать у своего жадного, жестокого и преступного хозяина. Он рад причинить любой вред своднику, погубить его (ст. 870). Синцераст хочет уйти от данного хозяина, но о свободе

¹ *Advorsitor* — раб, идущий встречать, обычно ночью с фонарем, господина, задержавшегося на пирушке.

не упоминает, так как вряд ли бы смогли осуществиться его помыслы. Здесь характерно содержание диалога между этими двумя рабами. Хотя раб Синцераст и не заикнулся о желании получить свободу, раб Мильфион сам повел речь об этом и обещал посодействовать, чтобы и Синцераст стал его соотпущенником на волю — *conlibertus*. Мильфион говорил с Синцерастом о свободе, как о предмете, постоянно занимавшем все помыслы и желания рабов.

В «*Rudens*» Трахалион, раб Плесидиппа, впервые поднял вопрос об отпуске его на волю тогда, когда благодаря его догадливости, инициативе и настойчивости устроились благополучно дела для Плесидиппа, Демонета и Палестры. Но он поставил этот вопрос сразу и настойчиво, добиваясь и отпуска на волю, и получения в жены Ампельяски (конечно, тоже как свободной), и т. д. И он получает полное удовлетворение (ст. 1217—1221, 1266, 1291, 1405—1410 и др.).

Все старания и помыслы раба Грипа в этой же пьесе также направлены постоянно к тому, чтобы добиться свободы и зажить в достатке (ст. 906—937, 1388, 1394); *libertas* и *lucrum*, свобода и нажива, — его стремление, его цель и побуждающие силы в его действиях. Выловив сетями в море тяжелый сундук, Грип строит радужные планы о выкупе на волю за счет найденных в нем богатств и о зажиточной и славной жизни. Когда вмешательство Трахалиона и Демонета свело на нет его надежды, Грип упорно отстаивал свои права на находку. Так как в конечном итоге Грипу из находки ничего не досталось и на волю он был отпущен только вследствие того, что выторговал у сводника вознаграждение за указание ему местонахождения этого сундука, Грип впал в отчаяние и злоба овладела им в такой степени, что он даже не проявил радости по поводу получения свободы (ст. 1416).

В «*Stichus*» показательна одна фраза раба Стиха. Во время веселья на пирушке, которую, вернувшись после трехлетней поездки с хозяевами по торговым делам, устроили в складчину два раба с участием общей подружки, у Стиха вырвалась фраза: *Vapulat peculium: actumst: fugit hoc libertas caput* (ст. 751); пропала свобода, так как *peculium* — сбережения, предназначенные на выкуп из рабства, пошли на устройство пирушки. Следовательно, растратив частично или полностью *peculium* на пирушку, Стих даже среди веселья с горечью вспоминает о той свободе, которая удаляется от него.

В «*Trinummus*» раб Стасим тяготится своим рабским положением. Об этом свидетельствует фраза: *ego quoque volo esse liber! Nequiquam volo* (ст. 440); он, мол, тоже желает быть вольным, но это желание напрасно. Сам Стасим ответа не дает, почему он считает такое желание напрасным. Можно предположить такое толкование: вообще Стасим стремится к свободе, но до отъезда хозяина Хармида по торговым делам он не имел возможности выкупить себя, так как не имел денег; *peculium* он собрал во время отсутствия старого хозяина, обкрадывая слабовольного и расточительного хозяйского сына. Но сейчас, даже при наличии денег на выкуп (ст. 727 и 1055), его желание быть свободным будет напрасным, так как хозяйский сын Лесбоник еще не является *sui iuris* и не вправе дать свободу рабу. Вообще же пьеса изобилует противоречиями, и толкование действий ее героев вызывает известные осложнения.

Таким образом, анализ комедий Плавта приводит нас к выводу, что раб всегда стремится получить свободу. При благоприятной развязке для всех главных участников интриги раб обычно получает свободу. Подавляющее большинство рабов в той или иной мере и форме выявляют свое резко отрицательное отношение к рабскому положению, свои постоянные стремления быть свободными, иногда даже путем побега («*Cartivi*»). И только тогда, когда нет соответствующей драматической ситуации, не представляется возможным выявить отношение раба к отпуску его на волю. В сохранившихся же фрагментах греческих комедий, главным образом у Менандра, раб не получал свободу и при благоприятной развязке действия. Возможно, что здесь Плавт проявил самостоятельность.

Переходим к комедиям Теренция. В «*Adelphoe*» ни один из рабов не добивается отпуска на волю и не высказывает своего пожелания быть свободным. Это относится

как к честному и трудолюбивому Гете, который своим трудом содержит всю семью своей госпожи, бедной вдовы Состраты, так и к хитрому и ловкому плуту Сиру, хорошо и заботливо относящемуся к своему гуманному хозяину Мициону и в особенности к своим прежним воспитанникам, Эсхину и Ктесифону. Но Сир ненавидит хозяйского брата, ворчливого резонера Демею, над которым Сир постоянно издевается. В конце пьесы Демей резко меняет свое поведение. По инициативе и ходатайству этого Демея раб Сир неожиданно для него самого и его окружающих получает отпуск на волю. Мало того, достаточно было заикнуться Сиру, что у него имеется жена Фригия, которую он тоже хотел бы видеть свободной, как получила отпуск на волю Фригия. А в придачу Сиру были обещаны еще средства на устройство. Конечно, мотивы освобождения Сира и Фригии, точнее их мнимые заслуги, приведены самые смехотворные, комедийные, иронические, пародийные (ст. 958—976). Но радость Сира по поводу получения им свободы действительно искренняя и неподдельная. А ведь он ни разу даже не заикнулся ранее об имеющемся у него желании за продолжительную и верную службу получить освобождение от рабства или какую-либо другую награду.

В «*Andria*» в числе действующих лиц выступает как *πρόσταξιν πρόσβου*, то есть в целях экспозиции содержания, вольноотпущенник Сосия, оставшийся жить и работать у прежнего хозяина Симона и после отпуска на волю. Со слов Симона. Сосия был им куплен еще мальчиком, и с тех пор для Сосии рабство не было, мол, в тягость: *semper. iusta et clemens fuerit servitus*. Сосия служил охотно, *servibat liberaliter*, отличаясь *fide et taciturnitate*, верностью и молчаливостью в смысле покорности. В награду за это Симон отпустил Сосию на волю: *feci ut esses libertus mihi* (ст. 33—39). Следовательно, хозяин считает высшей наградой, *summum pretium*, за верную и преданную службу раба отпуск его на волю. Сосия ценит это и помнит об этом с благодарностью (ст. 40—42). Но ни в «*Andria*», ни в остальных комедиях Теренция: «*Eunuchus*», «*Neautontimorumenos*», «*Несуга*», «*Phormio*» ни один раб сам не поднимает вопроса о получении свободы и не отпускается на волю. В этих пьесах нет даже данных, которые характеризовали бы отношение рабов к выходу на волю или косвенно свидетельствовали об этом. А между тем в этих пьесах имелись соответствующие драматические ситуации. Так, в «*Andria*» при благополучном исходе дела для всех участников пьесы Памфил мог ходатайствовать перед растроганным отцом не просто о снятии наказания с раба Дава, который был связан (ст. 861—865), а и об отпуске его на волю. И в «*Neautontimorumenos*» Клитифон одновременно с просьбой о прощении рабу Сиру всех проделок (ст. 1066) мог уговаривать отца и об отпуске его на волю. В «*Несуга*» разговор в последней сцене между рабом Парменоном и молодым хозяином Памфилом о вознаграждении раба остается неоконченным, вследствие чего создается впечатление некоего недоумения и удивления, почему в этой прерванной беседе Парменону не была обещана или дарована свобода. Возможно, что эту часть разговора, имевшегося в греческом прототипе, Теренций опустил. Однако это чувство сожаления остается и по прочтении «*Adelphoe*», когда в конце пьесы также не осуществилось вознаграждение раба Геты, как это обещал ему Демей (ст. 883—887) и как к этому вела вся драматическая ситуация.

Таким образом, в отличие от Плавта рабы у Теренция не стремятся к свободе. Мало того, они и меньше жалуются на свою участь. Та резкость противоречий между рабами и рабовладельцами, какая есть у Плавта, не чувствуется у Теренция. И сводник выведен у Теренция вовсе не темными красками, а наоборот, его отличает *fides optima* — «*Adelphoe*» (ст. 161). Ни в одной пьесе у Теренция сводник не посрамлен. В «*Andria*» же подчеркивается, что для Сосии рабство было всегда сносным и не обременительным. Весь диалог рабовладельца Симона с его вольноотпущенником Сосией отсутствовал в греческом прототипе и исходит от Теренция¹.

¹ См. пояснения античного комментатора Доната: *Aeli Donati, Commentum Terenti, 10: Prima scaena Perinthiae fere isdem verbis scripta est, cetera dissimilia sunt, ... Consciis sibi est (Ter. — Я. К.) primam scaenam de Perinthia esse translata, ubi senex ita cum uxore loquitur, ut apud Terentium cum liberto. At in Andria Menandri*

Анализ отношения рабов к свободе будет неполным, если не затронуть отношения к свободе и женской половины рабского населения. В этой части комедийный материал, к сожалению, весьма скуден и односторонен. Преимущественно это гетеры, находящиеся во власти сводников, которые стремятся к свободе и часто ее получают. Их выкупают обычно любовники («Epidicus», «Mostellaria», «Persa», «Pseudolus», «Adelphoe», «Phormio» и др.), или оказывается, что они свободнорожденные («Curculio», «Poenulus», «Rudens», «Eunuchus» и др.).

Служанки — ancillae, кому бы они ни принадлежали, в анализируемых пьесах вопроса о свободе не затрагивают. Это не значит, что они индифферентно относятся к свободе, а связано главным образом с их сюжетной ролью и развитием драматической ситуации пьесы. Несомненно также, что в действительности у рабынь не могло быть столь сильного стремления вырваться на волю, как у рабов, в связи с большей трудностью для женщины в случае освобождения от рабства устроить на чужбине самостоятельную и независимую трудовую и семейную жизнь. Только в «Casina» опознание, ἀναγνωρισμός, дает свободу Касине, только одна Ампелиска в «Rudens» получает свободу за выкуп, и только Фригия, жена раба Сира в «Adelphoe», отпускается на волю одновременно с мужем за «заслуги». Вместе с тем трудно представить себе более яркое выражение горечи и тягостей рабства для рабынь, чем то, которое мы находим в словах 84-летней рабыни Сиры в комедии Плавта «Mercator». Сира поясняет хозяйке, под влиянием какой именно тяжести она не может идти быстрее: 84 года, рабство, пот, жажда, да к тому же ноша:

...Annos octoginta et quattuor
Et eodem accedit servitus, sudor, sitis.
Simul haec quae porto deprimunt (ст. 671—675)

Поэтому, как позволяет считать этот пример, рабыни, так же как и рабы, тяготились рабством и всемерно стремились к свободе, как к высшему благу. Это красноречиво подтверждается комедийным материалом Плавта. Несмотря на то, что некоторые обстоятельства, в том числе преклонный возраст раба, непригодность его к самостоятельной жизни, поскольку раб не имел никаких прав, еще более трудные условия в этом отношении для рабынь, сдерживали настойчивость рабов в достижении этой цели, тем не менее именно анализ комедий Плавта подтверждает, что подавляющее большинство рабов страстно жаждало свободы.

Этот же анализ комедийного материала дает основание констатировать наличие различной трактовки рабства и персонажей рабов у Плавта и Теренция, что указывает одновременно и на различное отношение их к такому социальному явлению, как рабство. Это различие, видимо, нельзя объяснить лишь случайным подбором оригиналов аттических комедий. Оно отражено в целом ряде других моментов, в данном анализе не затронутых, и имеет своими причинами явления социального и идеологического характера¹. То отношение к трактовке рабства, какое мы наблюдаем у Те-

solus est senex... «первая сцена (другой менандровой комедии. — Я. К.) «Перинтии» написана почти теми же словами, а прочее непохоже, ... Он (т. е. Теренций. — Я. К.) вполне сознательно перенес (позаимствовал. — Я. К.) первую сцену из «Перинтии», где старик так (в такой форме. — Я. К.) разговаривает с супругой, как у Теренция с вольноотпущенником. А в «Андрии» Менандра выступает один старик...». Из этого следует, что Теренций, переделывая комедию Менандра «Андрия», имеющийся в ней в первой сцене монолог старика Симона заменил диалогом, взятым в части его содержания из другой комедии Менандра, из «Перинтии». Но в «Перинтии» диалог происходит между Симоном и его супругой. Теренций же в своей комедии «Андрия» превратил этот диалог в диалог между Симоном и его вольноотпущенником Сосией.

¹ Подробный анализ творчества Плавта и Теренция в их отношении к рабству и характеристика образов рабов даны в кандидатской диссертации автора: «Рабство

ренция, вряд ли имелось в тех греческих оригиналах, которые переделывал Теренций. Достаточно просмотреть фрагменты комедий Менандра¹, чтобы убедиться, что его раб также стремится получить свободу. Так, в «Ἐπιτρέπουτος» раб Сириск, в качестве самого сокровенного пожелания рабу Дау, желает ему поскорее получить свободу (ст. 47—51). Раб Онисим с горечью высказывает опасение, как бы не остаться ему рабом всю жизнь, поскольку он настроил господина враждебно против себя (ст. 343—344). Арфиска-рабыня Габротонон постоянно думает о получении свободы (ст. 322, 331 и др.). В «Περικειρομένη» раб Дав в беседе с господским сыном Мосхионом высказывает свою мечту: в благодарность за услуги в любовных делах Мосхиона получить свободу и сделаться торговцем снадью и сыром на площади (ст. 348—375). Воин Полемон обещает служанке-рабыне Дориде за содействие в примирении с Гликерой отпуск на волю, как лучшую награду (ст. 404—405, ср. «Andria» ст. 39, *sumptum pretium*) и т. д. Вряд ли это различие между трактовкой Теренцием и Менандром отношения раба к отпуску его на свободу случайно. Вряд ли можно также объяснять отсутствие в комедиях Теренция упоминаний о стремлении рабов к свободе и об их отношении к свободе также тем, что эти моменты отсутствуют в его греческих прототипах. Возможно, что Теренций просто пропускал такого рода места, встречавшиеся в греческих оригиналах, сглаживая таким образом остроту социальных моментов. В пользу такого предположения свидетельствует введение Теренцием искусственного окончания разговора между рабом Парменоном и молодым хозяином Памфилом об отпуске Парменоном на волю, о котором я упоминал уже раньше. Памфил поднял вопрос о недопустимости оставления Парменоном без награды или подарка, однако не окончил его, сославшись на приближение Вакхиды. По-видимому, сам Теренций прервал этот разговор.

Объяснение причин этих различных подходов обоих поэтов к отпуску рабов на волю необходимо искать в мировоззрении поэтов, в анализе их биографических фактов, влияния социально-политической и культурной жизни Рима того времени и литературных традиций, эстетических вкусов, определявших социальное лицо и идеологическую направленность их творчества. Плавт, как известно, принадлежал к низшим городским слоям общества, его творчество отражает настроения, интересы, взгляды и мысли широких кругов простого народа. Городской плебс представлял в основном аудиторию, для которой Плавт творил, к вкусу которой он прислушивался и одобрения которой добивался. У Плавта, по-видимому, не было знатных покровителей, свои произведения он писал согласно вкусам и нуждам простых людей. Плавт расширил в переделываемых им аттических комедиях роль раба, усилив ее отчасти в буффонном направлении. Но было бы ошибкой считать, что этим он проявляет презрение к социальным низам, к рабам. Плавт отнюдь не делает раба объектом насмешки и издевательства. Наоборот, в расширении роли раба он видит средство для высмеивания, одурачивания, «изобличения» господина, воина, сводника. Раб у Плавта умный, хитрый, ловкий, энергичный и жизнерадостный человек. Раб у Плавта вызывает симпатии как представитель обездоленного класса. Такое же сочувствие и симпатии к рабу Плавт стремился вызвать и у зрителей, в то же время к обидчикам рабов — чувство отвращения. Отдельные же места в комедиях Плавта представляют собой прямой призыв к гуманному обращению с рабами. Причину такого отношения Плавта к рабству позволительно искать и в том, что Плавт, по-видимому, сам пережил и почувствовал на своей спине все тяжести положения и труда раба. Подтвержденную источниками литературную традицию о вынужденной временной работе Плавта на мельнице не следует считать выдумкой биографов

и образы рабов в римской комедии *fabula palliata* по произведениям Плавта и Теренция», рукопись, Львов, 1955.

¹ Напомним, что из общего числа шести комедий Теренция четыре представляют переделки комедий Менандра, две — Аполлодора, в отношении стиля близкого Менандру.

и отвергать ее а priori¹. На наш взгляд, эта традиция заслуживает внимания и представляется весьма вероятной и правдоподобной, хотя утверждать ее абсолютную достоверность трудно.

Теренций же творил в духе эстетических вкусов и литературных идеалов зараженных квиетизмом высших римских аристократических кругов, являвшихся сторонниками эллинистической культуры и поборниками ее распространения в Риме. По-видимому, Теренций выполнял заказы прежде всего сципионовской группировки и не только в художественном аспекте или эстетическом, но частично и в социальном. Для Теренция характерно сглаживание противоречий между рабовладельцами и рабами. Он стремится подчеркнуть благородство в характерах «отцов», отказывается от изображения гнусных сводников и ростовщиков. У него отсутствуют какие-либо намеки на социальные вопросы, критика римских нравов и обычаев. Рабы изображены примирившимися со своим положением, не добивающимися и даже не помышляющими о свободе. Все это, как мне кажется, отвечало стремлениям сципионовского кружка относительно примирения общественных противоречий и установления гражданского мира. Этими причинами, по-видимому, объясняется различное отношение обоих римских поэтов к отпуску рабов на волю и к стремлениям рабов добиться свободы.

Я. Н. Коржинский

О ДАТИРОВКЕ НАЧАЛА ВОССТАНИЯ СПАРТАКА

Правильное освещение хода событий, связанных с восстанием Спартака, требует точной, соответствующей свидетельствам источников датировки. После работы А. В. Мишулина, появившейся в 1936 г., датировка начала восстания 74 годом до н. э. принята многими советскими историками и вошла в научную и учебную литературу последних лет. Нам представляется, что данная датировка и доводы А. В. Мишулина в ее защиту приводят к искажению действительного хода восстания Спартака. Вот почему необ-

¹ Aul. G e l l., NA, III, 3, 14 сл.: Sed enim Saturionem et Addictum et tertiam quandam, cuius nunc mihi nomen non subpetit, in pistrino eum (scil. Plautum) scripsisse Varro et plerique alii memoriae tradiderunt, cum pecunia omni, quam in operis artificum scaenicorum pepererat, in mercatibus perdita, inops Romam redisset et ob quaerendum victum ad circumagendas molas, quae trusatiles appellantur, operam pistori locasset... («Но ведь Варрон и весьма многие другие передали, что он (т. е. Плавт. — Я. К.) написал на мельнице «Сатуриона» и «Присужденного» и какую-то третью (комедию. — Я. К.), название которой сейчас не держится в моей голове, когда он, потеряв в торговых операциях все деньги, добытые на сценической службе, вернулся в Рим без средств, и в поисках средств к существованию нанялся к мельнику на работу по вращению жерновов, называемых ручной мельницей...»). H i e r o n y m u s ad Euseb. chron., 1817 (Bong. 1818) i. e. a. 554 u. c.: Plautus ex Umbria Sarsinas Romae moritur (immo «clarus habetur»). Qui propter annonae difficultatem ad Molas manuiarias pistori se locaverat ibi quotiens ab opere vacaret scribere fabulas solitus ac vendere («Плавт, Умбриец из Сарсины, в Риме умирает (вернее «достигает славы»). Он вследствие дороговизны нанялся на работу к мельнику вращать ручную мельницу и там обычно в часы досуга писал комедии и продавал». Отстаивал достоверность этой традиции Fr. M a r x, Die neueren Forschungen über die bürgerliche Stellung und die Lebensschicksale des Dichters Plautus, Zöst. G. 49, 1898, стр. 50. Отклоняли эту точку зрения, считая ее неправдоподобной, Fr. L e o, Geschichte der römischen Literatur, стр. 95; Plautinische Forschungen, стр. 74; W. K r o l l, в S. W. T e u f f e l s, Geschichte der römischen Literatur, VI изд., стр. 168 и др.